

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ: ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

Б 51

Б.М. Берсиров, Х.З. Багироков

Лингвистические основы изучения русского языка как средства межнационального общения

Аннотация:

Потребности интеллектуальной и культурной жизни в Республике Адыгея выдвинули проблему культуры русской речи адыгейцев-билингвов в ряд важнейших и актуальнейших теоретических и практических проблем адыгейского языкознания, т.к. современные условия социально-экономической жизни населения в РА обусловили необходимость овладения нормами русского литературного языка всеми категориями населения. В настоящее время сложилась языковая ситуация, когда спрос на лиц действительно свободно владеющих русским языком из числа представителей нерусских народов РФ в реальных социально-экономических условиях стал значительно опережать предложение. Оно подготовлено: 1) дискредитировавшей себя практикой преподавания русского языка в национальной аудитории без учета родного языка учащихся; 2) изучением системы русского языка преимущественно как совокупности грамматических правил и форм и без необходимого внимания к изучению русской речи; 3) отсутствием научно обоснованной теории по изучению русского языка как **средства межнационального общения** в современных условиях. Изучение русского языка как средства межнационального общения народов РФ ставит перед российской лингвистикой ряд теоретических и прикладных проблем, от решения которых в определенной степени зависят принципиальные основы преподавания русского языка в национальной аудитории и имеют теоретическое значение и для других регионов РФ. Только тщательный анализ самой речи билингва на втором языке может высветить конкретные теоретические вопросы. Исследовав механизм и условия порождения русской речи нерусскими, можно дать теоретическое обоснование русскому языку как средству межнационального общения, помочь методистам в практике преподавания русского языка.

Ключевые слова:

Культура русской речи нерусских, средство межнационального общения, национально-русское двуязычие, акцент, литературный язык, социальная функция, факторы перманентные, родной язык, русский язык, второязычная речь, индивид, двуязычная среда, коммуникативная, экспрессивная, аккумулятивная и конструктивная функции, артикуляционная база, лексико-семантическая и грамматическая системы языка, изоглосса русской речи билингва, изоглосса второязычной речи, интерференция, субординативное и координативное двуязычие, диалект, просторечие, нормированность и ненормированность русской речи нерусских, коммуникативный акт, трансляционная функция, языковая ситуация.

В постперестроечной России активизировался процесс развития общественных функций национальных языков. Литературные языки народов РФ расширяют свои общественные функции. Рассматривая перспективы развития и функционирования адыгейского языка, становления двустороннего билингвизма в республике, необходимо было определить статус языка в связи с преобразованием Адыгейской автономной области в Республику Адыгея. Конституционная комиссия подготовила Закон «О языках народов Республики Адыгея», который был подписан Президентом Республики Адыгея и принят Постановлением Законодательного собрания (Хасэ) – Парламента Республики Адыгея 31 марта 1994 года. Адыгейский язык стал употребляться во многих сферах человеческой деятельно-

сти, шире используется родной язык и в профессиональной среде. С развитием образования, науки, культуры носители адыгейского языка, овладевают различными стилями речи: научным, учебно-педагогическим, газетно-публицистическим, деловым и т.д.

Актуальность изучения комплекса проблем, связанных с формированием и функционированием двуязычия (билингвизма), значительно возросла в условиях новой волны всемирной интеграции и начала демократических преобразований. Не меньшую роль в активизации языковых контактов сыграл и научно-технический прогресс, обусловивший формирование глобальной информационной сети Интернет.

Потребности интеллектуальной и культурной жизни народов РФ в эпоху научно-технического прогресса выдвинули проблему культуры русской речи нерусских в ряд важнейших и актуальнейших теоретических и практических проблем лингвистики, т.к. современные условия социально-экономической жизни населения в РФ обусловили необходимость овладения нормами русского литературного языка всеми категориями населения национальных субъектов государства. В настоящее время сложилась языковая ситуация, когда, образно говоря, спрос на лиц, действительно свободно владеющих русским языком из числа представителей нерусских народов РФ, в реальных социально-экономических условиях стал значительно опережать предложение. Такое положение возникло не сразу и не случайно. Оно было в определенной степени подготовлено, *во-первых*, дискредитировавшей себя практикой преподавания русского языка в национальной аудитории без учета родного языка учащихся, *во-вторых*, изучением системы русского языка преимущественно как совокупности грамматических правил и форм и без необходимого внимания к изучению русской речи, *в-третьих*, отсутствием научно обоснованной теории по изучению русского языка как **средства межнационального общения** в современных условиях, которая должна была дать необходимые ориентиры ученым-методистам и авторам школьных учебников.

Изучение русского языка как средства межнационального общения народов РФ ставит перед российской лингвистикой ряд теоретических и прикладных проблем, от решения которых в определенной степени зависят принципиальные основы преподавания русского языка в национальной аудитории и имеют теоретическое значение и для других регионов РФ. Только тщательный анализ самой речи билингва на втором языке, или второязычной речи, может высветить конкретные теоретические вопросы. Исследовав механизм и условия порождения русской речи нерусскими, можно дать теоретическое обоснование русскому языку как средству межнационального общения, помочь методистам в практике преподавания русского языка.

Насущной задачей лингвистики, социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, педагогики и других смежных наук является определение оптимальных путей овладения нерусскими народами РФ литературной нормой русского языка. По мнению ученых-лингвистов, назрела необходимость создания коммуникативной грамматики русского языка для нерусских, в которой «должны быть четко определены и установлены явления, определяющие характер языковой системы этого языка на разных уровнях его структуры и необходимые для решения коммуникативных задач¹».

Однако, на наш взгляд, создание любой коммуникативной грамматики русского языка есть, в конечном счете, не что иное, как описание системы русского языка, которое имеет определенную коммуникативную направленность, но не решает полностью проблемы оптимальных путей обучения русскому языку нерусских. В этом плане необходимо создать еще грамматику русской речи, в которой описывается не система языка, а система русской речи. Для того чтобы создать лексикологию, фонетику и грамматику русской речи, необходимо учитывать

те особенности родного языка и родной речи народов РФ, которые будут оказывать свое положительное или отрицательное влияние на их русскую речь.

Русский язык как исторически сложившееся средство общения русского народа в современную эпоху функционирует в нескольких своих разновидностях, основными из которых являются литературный язык, диалектная разновидность национального языка и его просторечная форма существования. Каждая разновидность в конкретных условиях языковых контактов оказывает свое влияние на развитие национально-русского двуязычия (в частности, адыгейско-русского). Нерусские народы, овладевая всем богатством фонетических, лексико-семантических, грамматических, стилистических норм русского языка, становятся носителями той или иной формы билингвизма, так как степень владения русским языком может быть различной.

Следует отметить, что русский язык в современной языковой жизни народов РФ выполняет **функцию межнационального общения**, поэтому эта функция обуславливает закономерные формы существования русского языка в устах нерусских народов РФ.

Литературный язык как система определенных лингвистических единиц и категорий выступает в своей единственной разновидности. Вместе с тем русский язык, с одной стороны, и письменная и устная русская речь, с другой стороны, хотя и взаимосвязаны, не являются фактами одного порядка, так как имеют отличия друг от друга в системной организации и системных отношениях собственных единиц. Если литературный язык один, то речь обладает определенным многообразием. Это многообразие речи зависит как от системной организации речи, так и от структурных особенностей родного языка билингвов, т.е. социальных, профессиональных, территориальных, демографических факторов в жизни носителей языка, будь то сам русский народ² или народы, овладевшие русским языком как средством межнационального или международного общения.

Таким образом, суть проблемы культуры русской речи нерусских состоит в том, что при единстве литературного языка в любом регионе РФ мы должны признать реально существующие разновидности русской речи в устах народов РФ. Эти разновидности являются закономерными в силу действия лингвистических законов и обусловлены самим статусом русского языка как средства межнационального общения народов РФ, так как «русская речь в процессе своего функционирования неизбежно варьируется, приобретая в каждой республике свои особенности, проявляющиеся как в устной, так и в письменной речи, что объясняется и интерференцией родного языка, в процессе овладения русским языком, и намеренным использованием – по тем или иным причинам – говорящим или пишущим на русском языке фактов национального языка»³.

Естественно, при идеальном национально-русском двуязычии, когда индивид или определенная категория населения владеет русским языком в таком совершенстве, как и своим родным, то речь может идти о литературной русской речи, ее вполне допустимых вариантах. Вместе с тем народы РФ владеют реальной формой национально-русского двуязычия, при которой русская речь нерусских

обладает вариативностью, имеет свою специфику, так как «в каждой национальной среде русская речь (*выделено нами* – Х. Б.) имеет свой особый оттенок, который обычно называют «акцентом». Адыгеец говорит по-русски с адыгейским «акцентом», дагестанец – с дагестанским, чеченец – с чеченским, чуваш – с чувашским, татарин – с татарским и т.д. Под «акцентом» понимается обычно произношение. Но более глубокие наблюдения покажут, что, помимо особенностей произношения, русский язык в каждой национальной среде приобретает некоторые своеобразные черты также в лексике, семантике, морфологии, синтаксисе.

Русский язык как национальное средство общения русского народа существует в различных формах, основными из которых являются литературный язык и диалект. Можно говорить и о социальной дифференциации русского языка в различных социально-профессиональных категориях русского народа. Таким образом, русский язык сам по себе имеет несколько вариантов. Однако значит ли это, что существуют национальные варианты русского литературного языка? Ответить на этот вопрос утвердительно представляется невозможным, так как не имеется такого языка, как системы его различных уровней, т.е. закрепленного определенным образом в той или иной национальной общности людей.

В России – *многонациональной стране* – русский язык стал выполнять новую социальную функцию – *функцию межнационального общения*. Эта функция закономерно обуславливает и формы существования русского языка в устах народов РФ. Эта форма существования русского языка определена влиянием родного языка. Однако речь может идти не о национальном варианте русского языка как определенной системы, а об особенностях русской речи нерусских народов. Идеальная форма билингвизма, или адыгейско-русского двуязычия в Республике Адыгея, имеет место среди городского населения (Майкоп, Адыгейск), поселков городского типа (Энем, Яблоновский и т.д.), в смешанных районах республики (Красногвардейский, Тахтамукайский и т.д.). Социально значимо такое двуязычие, при котором в русской речи нерусских имеются отклонения от норм русской литературной речи, обусловлены рядом лингвистических и социальных факторов. Так, например, основная масса адыгейского населения проживает в сельской местности, где в адыгоязычных районах (Теучежский, Кошехабльский, Шовгеновский) частично отсутствует русская языковая среда, т.е. нет повседневных непосредственных языковых контактов между адыгейцами и русскими.

В настоящее время русский язык стал вторым языком народов РФ, т.е. мы имеем развитое состояние билингвизма в каждой национальной республике, области, округе, следовательно, русская речь нерусских характеризуется особенностями на различных уровнях речи, которые обусловлены влиянием родного языка. «Говорящая среда допускает ряд неточностей, ошибок в произношении, формоупотреблении, словоупотреблении, синтаксисе. Эти ошибки носят не случайный, а закономерный характер, потому что они вытекают из особенностей родной речи говорящих»⁴.

Ряд социальных факторов, обуславливающих вариативность русской речи адыгейцев, носит перманентный

характер. Так, в период углубления и расширения общественных функций национального языка в различных сферах деятельности индивида или народа в целом, особенно качественное улучшение преподавания различных дисциплин в общеобразовательных учреждениях, лицеях, колледжах вузах на родном языке являются факторами перманентного свойства. Находясь с детских лет в одноязычной среде, ребенок, школьник овладевает родным языком и использует его в функциональном отношении более активно, чем язык межнационального общения народов РФ. Артикуляционные возможности одноязычного человека теряют свою гибкость к тому моменту, когда в его сознании сформирована система родного языка. Этот период окончания формирования системы родного языка и родной речи мы соотносим с тем возрастом индивида, когда он оканчивает девятилетнюю школу. А к окончанию средней школы артикуляционная база родного языка приобретает ту устойчивость, которая оказывает постоянное влияние на его второязычную речь даже при условии, что индивид с детства вращался в двуязычной среде. Период окончательного формирования системы родного языка в сознании индивида совпадает с периодом, когда в его жизни родной язык уже выполняет максимальную коммуникативную, экспрессивную, аккумулятивную и конструктивную функции. Именно в этот период у индивида возникает потребность в языке межнационального общения, так как языковые контакты выпускника школы сельского адыгоязычного района становятся разнообразными. Однако функционально активный родной язык способствует выработке устойчивости артикуляционной базы, лексико-семантической и грамматической системы родного языка. Эта устойчивость и обуславливает потерю эластичности и гибкости не только артикуляционных органов, но и языкового мышления в целом, а также проецирует максимальные и минимальные отклонения от норм русской речи билингвов. Так, произнесение тех или иных звуков второго языка уже зависит от сложившихся навыков произнесения звуков родного языка. А это порождает своеобразный акцент на фонетическом уровне и русской речи нерусских, так как «сохранение некоторого «акцента» в произношении оказывается, таким образом, в какой-то мере неизбежным, если даже человек в совершенстве овладел всеми прочими нормами и выразительными богатствами второго языка»⁵.

Следовательно, произносительные варианты русской речи адыгейцев и других народов РФ непосредственно обуславливают устойчивость артикуляционной базы родного языка, функциональная активность которого, в свою очередь, обеспечивает устойчивость артикуляционной базы родного языка.

Аналогичные явления можно наблюдать и на лексико-семантическом, грамматическом и стилистическом уровнях русской речи билингвов. Устойчивость использования тех или иных лексических единиц, их сочетаемости, синтаксических моделей на уровне словосочетания и предложения, еще большая устойчивость грамматических понятий и категорий в сознании билингва оказывают свое зримое и незримое влияние даже, казалось бы, в безукоризненной второязычной речи. Мы остановились подробно на этих вопросах в других публикациях. Сейчас же необходимо выяснить социальные факторы, которые ока-

зывают влияние на овладение идеальным национально-русским двуязычием.

К таким социальным факторам можно отнести *существующие различия между городом и сельской местностью*, так как условия этнического существования этих двух категорий носителей двуязычия существенно *расходятся*. Различие между городом и селом, а, следовательно, между горожанами и сельчанами не носит перманентного характера.

Таким образом, многонациональный состав городского и однонациональный состав адыгоязычного сельского населения, удельный вес которых является подавляющим в зависимости от типа района, оказывают существенное влияние на овладение идеальным типом национально-русского двуязычия. В сельской местности, в условиях отсутствия повседневных непосредственных языковых контактов адыгейцев и русских, распространено реальное национально-русское двуязычие, поэтому в русской речи адыгейцев наблюдаются отклонения от норм русской литературной речи. Социальные факторы обеспечивают развитие и широкое распространение реальной формы адыгейско-русского двуязычия, при котором адыгейцы допускают зримые и незримые отклонения от норм русской литературной речи.

Для решения проблемы культуры речи нерусских необходимо определить диапазон, спектр самого понятия «культура русской речи билингва» или *изоглоссу* (от греч. *isos* – *равный* и *glōssa* – *язык, речь*) русской речи билингва. Крайней точкой отсчета этого понятия является совершенное владение русской литературной речью. Что является критерием для определения *второй точки изоглоссы* русской речи нерусских? На наш взгляд, таким критерием должна стать такая степень допустимой интерференции, которая не нарушает системы второго языка, не является коммуникативно-значимой и не влияет на совершение коммуникативного акта. Естественно, признание изоглоссы русской речи билингва не есть узаконивание той или иной интерференции даже минимального типа. Работа по совершенствованию русской речи нерусских должна проводиться на всех этапах обучения учащихся от дошкольного образовательного учреждения до вуза. Введение в лингвистический обиход термина «*изоглосса второязычной речи*» представляется нам весьма необходимым, т.к. в современном языкознании существует широкое понимание культуры русской речи нерусских.

Хотя русский и адыгейский языки не являются родственными, они имеют сходство, но и имеют весьма существенные различия, которые обуславливают максимальную и минимальную интерференцию в русской речи адыгейцев.

При максимальной интерференции русская речь адыгейцев характеризуется таким количеством и качеством отклонений от норм русской речи, что делает ее трудноразличимой и малопонятной. Максимальная интерференция присуща второязычной речи носителей *субординативного двуязычия*. Такая интерференция не может входить в изоглоссу русской речи билингва в понятие «культура русской речи нерусских».

При минимальной интерференции, которая имеет место при *координативном типе* национально-русского двуязычия, отклонения от норм русской речи могут иметь

релевантное и нерелевантное значение с точки зрения коммуникативной значимости единиц речи в условиях межнационального общения.

Минимальные звуковые, лексико-семантические, грамматические и др. отклонения становятся релевантными во второязычной речи в тех случаях, когда две лексические или коммуникативные единицы отличаются друг от друга только одним признаком, смешение которых в билингвизме ведет к двусмысленности или немотивированности использования этой единицы в данном контексте или речевой ситуации.

При анализе реальной русской речи адыгейцев мы исходим из того, что «о культуре речи можно говорить в условиях владения литературной речью, в условиях правильности (т.е. владения литературными нормами)»⁶, что в устах адыгейца реализуется система русского языка, но при этом его русская речь испытывает влияние родного языка и родной речи. Это влияние на синхронном уровне проявляется на уровне речи в виде отклонений от норм русской литературной речи.

При решении проблемы культуры русской речи нерусских одним из важнейших вопросов является выявление «лингвистической сущности русского языка как средства межнационального общения, к определению самого этого понятия как лингвистического феномена, к установлению соотношения русского национального языка и русского как межнационального»⁷.

Для определения лингвистической сущности русского языка как средства межнационального общения народов РФ, хотя трудно, конечно, полностью отвлечься от социолингвистической природы этого явления, естественно, необходимо исходить из общего родового понятия «русский язык», который является исторически сложившимся средством общения русского народа. Образование национального русского языка обусловлено образованием новой национальной общности русской народности. Период образования русской нации совпадает с периодом образования Российской империи, в которой русский язык являлся не только средством общения русского народа, но и языком господствующей нации по отношению к языкам зависимых народов. Образование новой исторической общности людей, – культурно-языковые и экономические контакты – обусловили развитие национально-русского двуязычия. И в этом социолингвистическая суть и социолингвистическое различие между русским языком как национальным и русским языком как средством межнационального общения. Русский язык вышел за рамки своей национальной общности и стал выполнять в более широком диапазоне свою первую функцию – функцию общения в ино- и межнациональной среде.

В процессе коммуникации русский народ использует свой национальный язык в следующих разновидностях: диалект, просторечие, социально-профессиональный жаргон и высшую форму национального языка – литературный язык. Все разновидности в известной степени обладают спецификой и общим фонетическим, лексическим, грамматическим строем. Диалекты, просторечие и др. находятся вне нормы литературного языка и противопоставляются ему и между собой по тем или иным лингвистическим признакам, определяющим их своеобразие, вариативность.

Все больше получает статус разновидности литературного языка и русский разговорный язык. Этот новый статус русского языка также обусловлен внеязыковыми причинами: все больше людей приобщается к литературному языку, но в силу тех или иных ситуаций используют специфические формы и модели особого варианта русского языка. Существование подобных разновидностей русского языка и русской речи – *это аксиома для лингвистов*.

Для выявления лингвистической сущности любой разновидности русского национального языка необходимо сопоставление системы одной разновидности с другой внутри макросистемы одного и того же языка – русского. Чтобы выявить лингвистическую сущность русского языка как средства межнационального общения, недостаточно сопоставление или сравнение русского как межнационального *в цепи «русский национальный язык – русский литературный язык – русский как межнациональный»*, т.к. последнее звено представляет собой второй язык народов РФ. Следовательно, данную цепь должен замкнуть родной язык билингва, без которого нет второго языка, т.е. языка межнационального общения, и который зримо и незримо всегда присутствует при реализации системы русского языка во второязычной речи. Так как различие лингвистической сущности русского национального языка и русского как средства межнационального общения состоит в том, что «формы существования одного языка иерархически связаны между собой или, как целое и его часть, или как универсальное и ситуативное, или как более совершенное и менее совершенное, тогда как между взаимодействующим и самостоятельным и языками такой иерархической связи нет. Иначе говоря, в одном случае отношения последовательные, а в другом – параллельные. И здесь уже дело не столько в субъективной оценке говорящих, сколько в самой природе явления»⁸. Таким образом, сравнение русского языка как средства межнационального общения с русским национальным языком вряд ли правомерно, т.к. русский язык в устах народов РФ соотносится не только с системой русского литературного языка, но и с системой родного языка, то есть русская речь нерусских по своей лингвистической природе является продуктом систем родного и русского языков, так как «слушая чужую речь, мы при анализе слышимого произвольно используем привычное для нас «фонологическое сито» своего родного языка. А поскольку наше «сито» оказывается неподходящим для чужого языка, постольку возникают и многочисленные ошибки, недоразумения. Звуки чужого языка получают у нас неверную интерпретацию»⁹.

Однако, подобное «сито» родного языка действует не только на фонологическом, но и на других уровнях языка и речи. Второязычная речь билингва представляет собой более сложное явление, чем речь одноязычного индивида.

Никем не отрицается, что в русской речи нерусских наблюдаются отклонения от норм русской литературной речи под влиянием родного языка. Никому не приходит в голову возводить интерференцию во второязычной речи в норму или узаконить ее функционирование, как и отождествлять диалектную речь, например, с литературной. Сама по себе русская речь нерусских не является одно-

типной и одномерной. Она может колебаться от безукоризненной литературной речи до речи с максимальной интерференцией, затрудняющей даже понимание высказывания.

Исследуя реальную русскую речь нерусских, нельзя отождествлять ее с каким-либо «национальным вариантом» русского языка. Во-первых, нарушения нормы русского литературного языка в русской речи нерусских не могут закрепиться, обрести статус социальной системы ввиду преходящего характера таких нарушений. Во-вторых, происходит не только распространение вширь функций национально-русского двуязычия, но и развитие билингвизма вглубь, т.е. все больше нерусского населения РФ овладевают литературной нормой русского языка.

Для решения ряда теоретических и прикладных задач назрела необходимость определить место второязычной речи в цепи «русский национальный язык – русская литературная речь – русская речь нерусских – национальный «родной язык» и формы ее проявления. На наш взгляд, сопоставительный анализ различных форм существования русской речи нерусских с вариантами русского национального языка поможет глубже уяснить и определить лингвистическую суть русского языка как межнационального средства общения народов РФ. Подобный анализ проводится не с целью установления тождества вариантов русского языка (например, диалектов) и формы существования второязычной речи, а для выявления степени *нормированности – ненормированности* русской речи нерусских.

Проведем лингвистический сопоставительный анализ русской речи нерусских с одним из вариантов русского национального языка – диалектной речью. Если рассмотреть коммуникативные единицы типа *Двенадцать медвежат шли; У его сердца нету; Дочери замуж вышли; Открывает в городу клуб*, то допущенные отклонения типичны в русской речи адыгейцев: они весьма часто образуют слова и их формы без соответствующих чередований звуков, вставляют или пропускают те или иные звуки, допускают нарушения в управлении и согласовании слов и т.п. Однако вышеприведенные примеры, взятые нами из «Словаря русских народных говоров» (вып. 18, – С. 66, 334, 339; вып. 14, – С.228), ничем не отличаются от русских речевых произведений адыгейца типа *Девчата замуж пошли; Работали тракторист на этой стройке; Очки нет. Очков нету. У меня очки нет, не могу читать. Меня очков нет, не могу; Где-нибудь газету интересный будет*, так как и те и другие речевые произведения находятся вне литературной речи. Однако в обоих случаях коммуникативный акт состоялся. Таким образом, и в диалектной речи русских, и в русской речи нерусских используются фонетические, лексические и грамматические средства одного и того же языка – русского.

Лингвистические и внеязыковые признаки диалектной русской речи и русской речи нерусских, имеющие отклонения от норм литературного словоупотребления, во многом идентичны. Так, русская речь нерусских и диалектная речь территориально ограничены в своем функционировании, только русские диалекты и говоры ограничены в своем употреблении определенной территорией

России, а русская речь нерусских – национальной республикой, округом, областью, районом.

Как фонетические, лексические, грамматические особенности того или иного диалекта находятся вне литературных норм, так и русская речь нерусских с явлениями интерференции не может быть признана литературной нормой, хотя в том и в другом случае используются одни и те же языковые средства русского языка как национального. Однако если внелитературность диалектной речи обусловлена историческим развитием самой системы русского национального языка, то внелитературность русской речи с явлениями интерференции определяется значительным влиянием системы родного языка.

Диалектная речь существует только в устной форме, в то время как литературный язык – в устной и письменной форме. Аналогичным образом и русская речь с интерференцией существует только в устной форме, а литературная речь двуязычного индивида – в устной и письменной форме. Если особенности диалектной речи зависят от степени устойчивости диалектных черт в языке носителей русского языка, от степени владения литературным языком, а с течением времени нивелируются, стираются или исчезают под влиянием образования, средств массовой коммуникации и т.п., то отклонения от норм русского литературного языка в русской речи нерусских зависят от степени владения средством межнационального общения народов РФ, от уровня постановки преподавания русского языка в национальной аудитории, от развития средств массовой коммуникации, особенно в сельских районах. Если даже «в наше время в младописьменных нациях массы далеко не сразу и не одновременно овладевают вновь возникшими литературными языками»¹⁰, то, полагая, что русский язык может выполнить свою функцию межнационального общения только в своей литературной форме, мы сужаем проблему изучения всего многообразия форм существования языка межнационального общения.

В русских диалектах и говорах используются этнографические диалектизмы, обозначающие не входящие в общенародный обиход русские предметы и потому не имеющие синонимов в русском литературном языке. И в русской речи нерусских часто, чем в литературном языке, встречаются слова, обозначающие специфические понятия и предметы быта культуры народов РФ. Так, оленеводческая лексика, естественно, распространена в речи народов Крайнего Севера и т.д. Однако русские и национальные этнографизмы не ограничены территориально, если описываются специфические условия труда, быта, культуры народов РФ и в центральной, и в региональной печати¹¹. Широкое распространение получили среди русского населения и в русскоязычных средствах массовой коммуникации Республики Адыгея слова типа: *нана* «бабушка», *кебляг* «добро пожаловать», *щелям* «вид лепешки», *салям* «приветствие», *бисьым* «хозяин» и т.д., в четырех строфах стихотворения «У Наны» из сборника «Фрески» депутата Хасэ-Парламента Республики Адыгея Е.И. Салова пять слов адыгейских.

Таким образом, сопоставляя русскую диалектную речь и русскую речь нерусских, можно сделать вывод об идентичности использования одной и той же системы русского языка, а внелитературные фонетические, лекси-

ческие, грамматические отклонения от норм русского литературного языка обусловлены в первом случае самой системой диалекта русского языка, а во втором – влиянием системы родного языка.

Русская речь нерусских в зависимости от степени владения русским языком может обладать некоторыми сходными признаками с той или иной разновидностью русского литературного языка: при идеальном национально-русском двуязычии – с литературным языком в его устной и письменной форме, с одной стороны, и при наличии того или иного вида интерференции во второязычной речи – с диалектом, с другой стороны. Естественно, нельзя устанавливать каких-либо прямых соответствий между формами национально-русского двуязычия и с той или иной разновидностью русского национального языка. В то же время можно установить, как было показано выше, определенные относительные соответствия. И эта относительность соответствия между признанными вариантами русского языка и формами существования языка межнационального общения устанавливается не для доказательства тождества различных форм существования русского языка, а для установления тождества используемых языковых средств и для определения соотношения диалекта, просторечия и др. вариантов русского языка и русской речи нерусских по отношению к литературному языку. Чем выше степень владения русским языком, тем ближе к литературному языку, и чем большее число отклонений в русской речи нерусских, тем дальше такая речь стоит от литературной речи. Поэтому, утверждая, что русский язык может выполнять свою коммуникативную функцию в межнациональной среде только в своей литературной форме, мы приходим к отрицанию существования интерференции в русской речи нерусских и реально существующих форм национально-русского двуязычия. Вряд ли кто возьмет на себя смелость утверждать, что из 94% адыгейцев, заявивших о свободном владении русским языком по данным Всероссийской переписи 2003 года, определенная часть не допускает в своей русской речи хотя бы минимальных отклонений от норм орфоэпии, стилистики русского литературного языка. Вместе с тем можно не сомневаться, что в межнациональной среде они используют русский язык для совершения того или иного вида коммуникации.

Дело в том, что высокая степень владения языком межнационального общения народов РФ связана не только с коммуникативной функцией языка вообще. Природа билингвизма такова, что степень проявления той или иной формы двуязычия тесно связана со всеми функциями языка: **коммуникативной** (средство, орудие общения), **экспрессивной** (орудие выражения мыслей), **конструктивной** (орудие формирования мыслей), **аккумулятивной** (средство накопления опыта и знаний)¹² поэтому владение совокупностью всех функций языка определяет литературную форму существования национально-русского билингвизма, причем последняя функция присуща только тем носителям двуязычия, которые на практике используют русский язык для накопления знаний, общественного опыта, а это возможно только посредством русского литературного языка. Большинство носителей национально-русского двуязычия в межнациональном общении используют русский только в первых

трех функциях, т.к. коммуникация в межнациональной среде невозможна без функции общения, выражения и формирования мыслей, а для приобретения знаний, накопления опыта преимущественно используют свой родной язык в адыгоязычных сельских районах. Исключение, естественно, составляет приобретение тех профессиональных знаний, которые по тем или иным причинам нельзя приобрести на родном языке.

Носитель национально-русского двуязычия для передачи накопленных знаний и опыта обычно использует свой родной язык, который в силу своей функциональной активности удобен билингу при передаче всех его мыслей, оттенков мыслей. Однако если билингв прибегает для передачи своих мыслей к языку межнационального общения народов РФ, это, во-первых, свидетельствует о более высокой степени владения русским языком, во-вторых, о появлении новой функции языка – *трансляционной*. **Трансляционная функция** языка (средство передачи опыта, знаний) является естественной и обычной для тех, кто владеет только одним языком, и растворена в – первых четырех функциях языка. Таким образом, на определенном этапе владения русским языком билингв начинает использовать его в особой – *трансляционной* – функции, которая в качестве особой функции не свойственна языку как национальному средству общения, т.е. эта функция является одним из признаков языка межнационального общения в отличие от русского как национального.

Для подтверждения сказанного приведем диктофонную запись беседы с двуязычным адыгейцем (68 лет, пенсионер, средне-техническое образование. Запись сделана в 2006 году):

«Сегодня двадцат пятое. Ноябрь. Двадцать пятый ноябрь. Меня зовут Б. Ч. Б. Ч., тридцат второго года. В армию забрали в пятидесятом году. Один год служил, потом я заболел. Это можно сказать. Потом меня демобилизовали. Потом ... это ... учился в пятьдесят втором году на механика. Работал ... в общем... до пятидесят восьмого года механиком. После пятидесят восьмом году, в общем, работали в Адамийский эмтеэс (МТС – Х.Б.), Адамийский эмтеэс был раньше. Один год там работал. Потом я пошел в колхоз, рисовый чек делали, механиком передвижной колонны работал. ... Вот до восьмидесят восьмого года работал в колхоз. После этого... пошел на пенсия. Еще два года работал».

Даже эта небольшая часть беседы (вся беседа состоит из более 2000 словоупотреблений) дает представление об использованных функциях русского языка адыгейцем-билингом. Несмотря на некоторые отклонения от норм русского литературного языка, можно утверждать, что в данном отрезке русский язык использовался в функции общения, орудия выражения и формирования мыслей. В русской речи билинга практически отсутствуют лексические вкрапления родного языка, число коммуникативных единиц, имеющих отклонения от русской литературной речи, весьма значительно. В целом русскую речь билинга-адыгейца нельзя признать соответствующей нормам литературной речи. В то же время допущенная интерференция не влияет на совершение коммуникативного акта. Следовательно, перед нами особая форма существования русского языка как средства межнационального

общения, которая ближе по средствам реализации к разговорно-просторечному варианту русского национально-го языка, но не по признаку экспрессивно-стилистической окраски, а по признаку нормированности-ненормированности употребления тех или иных слов. Вместе с тем данный билингв русский язык использует в трех первых функциях. Для накопления знаний, опыта и для передачи этого опыта использует только родной язык, который по своему статусу является функционально более активным. Трансляционная функция русского языка как межнационального им совершенно не используется.

Таким образом, форма существования русского языка как межнационального зависит от степени владения этим языком носителем двуязычия и степени влияния родного языка на его русскую речь, т.е. выделение только двух типов двуязычия – **координативного и субординативного** – не отражает реально существующих форм билингвизма.

Признак **правильности–неправильности** порождения речевых произведений и на первичном языке весьма важен при определении форм существования русского языка как межнационального. Формы существования русского языка как средства межнационального общения народов РФ весьма разнообразны, и это разнообразие обусловлено не только степенью владения этим языком, степенью воздействия системы родного языка, но и соотношением используемых функций родного и русского языков.

К важнейшим параметрам определения степени владения языком межнационального общения народов РФ мы относим использование билингом функциональных стилей: разговорно-бытового, научного, публицистического и др. Свободный отбор необходимых лексических, грамматических, стилистических и интонационных средств русского языка при использовании тех или иных стилей речи в зависимости от ситуации общения позволяет билингу создавать такие речевые произведения, которые выражают все оттенки его мысли.

Следовательно, к функциональным параметрам форм проявления национально-русского билингвизма мы относим степень использования русского языка в его различных функциях от коммуникативной до трансляционной, в разнообразных сферах социальной жизни индивида или целого народа, а также реализацию системы русского языка в его функциональных речевых стилях.

Русский язык как средство межнационального общения овеществляется в конкретных речевых произведениях нерусских. Поскольку отклонения от норм русской литературной речи под воздействием системы родного языка и родной речи находят свое материализованное отражение в русской речи нерусских, то конкретная второязычная речь билинга является непосредственным предметом исследования и объективным единственным показателем степени владения русским языком. Степень проявления интерференции обуславливает ту или иную форму проявления русского языка как межнационального. При единстве русского литературного языка в любом регионе Российской Федерации мы должны признать реально существующие разновидности русской речи нерусских. Такое признание не тождественно признанию так называемого «национального варианта» русского языка

как сложившейся и развивающейся системы лингвистических единиц, апробированных и принятых говорящим на этом языке народом. Разновидности русской речи нерусских реально существуют, требуют своего изучения, в разных регионах РФ исходя из сложившейся языковой ситуации.

Исследование второязычной речи билингва имеет значение и для развития теории речевой деятельности (психолингвистики), и для практики преподавания русского языка как межнационального, особенно при подготовке учителей русского и адыгейского языков для взаимосвязанного обучения контактирующим языкам, переводчиков-референтов и т.д. Будущему учителю необходимы знания не только теории языка как учебной дисциплины и методики его преподавания, но и глубокие знания существа второязычной речи, путей и средств борьбы с интерференцией.

Таким образом, без теоретического осмысления лингвистических, психолингвистических, социолингвистических, лингвокультурологических параметров второязычной речи не может быть правильной постановка методики преподавания русского языка как межнационального, нельзя создать научно обоснованный учебник для взаимосвязанного обучения учащихся образовательных учреждений региона.

Примечания:

¹ Иванов В.В. Некоторые вопросы изучения русского языка как средства межнационального общения народов СССР // ВЯ, 1981, №4, – С. 3-11; Булыгина Т.В. Грамматические и семан-

тические категории и их связи. В кн.: Аспекты семантических исследований. – М., 1980; Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. – М., 1981; Москальская О.И. Проблема системного описания синтаксиса. 2 изд. – М., 1986.

² Русский язык по данным массового исследования. – М., 1974. – 352 с.

³ Шанский Н.М., Боброва Т.А. Актуальные вопросы изучения русского языка как межнационального общения народов СССР // Рус. яз. в армянской школе, 1980, №3. – С. 2-10.

⁴ Абаев В. И. О языковом субстрате. Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, № 9. – М., 1956. – С. 57-69.

⁵ Исаев М.И. Новая историческая общность людей – советский народ и язык межнационального общения // «Тезисы докладов и сообщений. Вторая зональная конференция по проблемам преподавания русского языка в неязыковых вузах Средней Азии и Казахстана». – Душанбе, 1977. – С. 67-68.

⁶ Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. – М., 1980. – 312 с.

⁷ Иванов В.В., Михайловская Н.Г. Русский язык как средство межнационального общения: актуальные аспекты и проблемы // ВЯ, 1982, №6. – С. 3-14.

⁸ Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). – Л., 1975. – 276 с.

⁹ Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М., 1960. – 372 с.

¹⁰ Филин Ф.П. О свойствах и границах литературного языка // ВЯ, 1975, №6. – С. 3-12.

¹¹ Боброва Т.А. Словарный состав русского языка и языки народов СССР. Рус. яз. в школе, 1982, №6. – С. 16-25.

¹² Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). – Л., 1975. – 276 с.